

Научная статья

УДК 347.113

DOI 10.52070/2500-3488_2022_3_844_137

О понятии «правовая определенность» и его содержании

И. И. Василишин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vasilishin@linguanet.ru

Аннотация. Дефиниция «правовая определенность» активно используется в правоприменительной практике в целом ряде значений (как принцип, как требование к правовой норме, судебному акту и др.). При этом отсутствует ее нормативное определение, содержание понятия формулируется с учетом позиций Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), высших судов Российской Федерации, доктринальных взглядов. Отмечается отсутствие исчерпывающего перечня граней проявления исследуемого феномена во всех сферах общественных отношений.

Ключевые слова: правовая определенность, Конвенция по защите прав человека и основных свобод, правоприменение, судебная практика

Для цитирования: Василишин И. И. О понятии «правовая определенность» и его содержании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 3(844). С. 137–141. DOI 10.52070/2500-3488_2022_3_844_137

Original article

On the Concept of “Legal Certainty” and Its Content

Ivan I. Vasilishin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vasilishin@linguanet.ru

Abstract. The definition of “legal certainty” is frequently used in law enforcement practice in a number of meanings (as a principle, as a requirement for a legal norm, a judicial act, etc.). At the same time, there is no normative definition of it, the content of the concept is formulated taking into account the positions of the European Court of Human Rights (ECHR), the highest courts of the Russian Federation, doctrinal views. The absence of an exhaustive list of facets of its manifestation in all spheres of public relations is noted.

Keywords: legal certainty, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, law enforcement, judicial practice

For citation: Vasilishin, I.I. (2022). On the concept of “legal certainty” and its content. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 3(844), 137–141. 10.52070/2500-3488_2022_3_844_137

ВВЕДЕНИЕ

И. В. Рехтина, автор современного фундаментального исследования, посвященного правовой определенности как многоаспектному правовому феномену [Рехтина, 2021], обобщая мнения ученых и практиков, констатирует, что появление в право-применительной практике категории «правовая определенность» традиционно связывают с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод¹ 1950 г. (далее Конвенция), которая была ратифицирована в Российской Федерации в соответствии с законом² 1998 г. и для нашей страны вступила в силу 5 мая 1998 г.

В то же время известны позиции других ученых [Гаджиев, 2012], которые, анализируя не столько категорию, сколько действие уже принципа определенности норм позитивного права, полагают, что критерий определенности (как конституционное требование к качеству закона) был сформулирован в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее КС РФ) от 25 апреля 1995 года № 3-П3 (далее Постановление №3-П).

Приведенные точки зрения уже в первом приближении демонстрируют дискуссионность вопроса. Добавляют интереса к упомянутой проблематике довольно кардинальные мнения отдельных исследователей, которые считают, что «несмотря на свое название, принцип правовой определенности является, возможно, самым неопределенным по своему содержанию» [Крыжан, 2018, с. 88].

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ДОКТРИНАЛЬНОЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ

Ст. 6 Конвенции, содержание которой практически общепринято связывать с принципом правовой определенности, на самом деле посвящена праву на справедливое публичное судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом; кроме того, предусмотрено, что судебное решение, за отдельными исключениями, должно объявляться публично.

Нетрудно заметить, что в кратком изложении содержания статьи ни разу не употребляется слово «определенность» – ни самостоятельно, ни

¹«Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС КонсультантПлюс.

²Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СПС КонсультантПлюс.

³Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой» // СПС КонсультантПлюс.

в словосочетании с каким-либо другим. Не закреплен принцип правовой определенности и в других международно-правовых актах, что, по меткому выражению А. Т. Боннер, позволяет условно назвать его «принципом-фантомом» [Боннер, 2017].

Что касается Постановления № 3-П, то в его основе обнаружилась неопределенность в вопросе соответствия Конституции РФ положений ч. 1 ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР (в связи с невозможностью определения органа и акта, позволяющих определить «установленный порядок» вселения в жилое помещение других лиц, и, наоборот, возможностью произвольного понимания «порядка» по существу).

При более глубоком исследовании проблематики правовой определенности следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

1. В указанном Постановлении № 3-П, как и в значительном числе позже принятых (их общее количество исчисляется сотнями⁴), можно обнаружить одновременное использование парных категорий, являющихся антонимами – «правовая определенность» и «правовая неопределенность». Аналогичный вариант их параллельного использования характерен и для доктринальных исследований (достаточно отметить, что данным категориям посвящаются отдельные конференции⁵).

Представляется, что какие-либо противоречия в этой ситуации отсутствуют, так как, образно говоря, являются «двумя сторонами одной медали»: с учетом иных Постановлений КС РФ, если определенность правовых норм предполагает их ясность, недвусмысленность, согласованность с системой действующего правового регулирования, требует соблюдения законов логики, исключения расплывчатых терминов, непротиворечивости, отсутствия коллизионности с иными нормативными правовыми актами и т. п., то неопределенность правовых норм является дефектом законодательства (в широком смысле последнего), свидетельствует о низком уровне законодательной техники, влечет противоречивую и произвольную правоприменительную практику, приводящую к нарушению прав, свобод и законных интересов граждан.

2. Сущностный анализ рассматриваемых категорий в нашей стране начался не в постсоветский

⁴Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС КонсультантПлюс.

⁵Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII международной научно-практической конференции. В 3-х частях. М., РГУП, 2018. Ч. I. URL: https://rgup.ru/rimg/files/_%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_2017%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf

период – соответствующие исследования проводились еще дореволюционными российскими учеными, которые использовали, в частности, синонимы нынешних юридических терминов («нечастность» правовой нормы вместо «неопределенности» [Васьковский, 1901]), а прообразы данных категорий встречаются в памятниках российского права гораздо более раннего периода.

3. В различных правовых системах имеются аналоги термина «правовая определенность», и одни из них имеют дословное сходство с нашим (англ. «legal certainty», исп. «seguridad jurídica»), в то время как другие одновременно обозначают правовую (юридическую) безопасность личности: фр. «securité juridique» – юридическая безопасность, нем. «rechtssicherheit» – правовая безопасность). При этом, в интерпретации немецкого законодателя, например, правовая безопасность (определенность) выражается, прежде всего, в доверии граждан к надежности существующего правопорядка. По этой причине считаем заслуживающим внимания умозаключение М. В. Преснякова, который считает, что сущность принципа правовой определенности заключается не столько в стройности и непротиворечивости законодательства, сколько в определенности правового положения личности [Пресняков, 2020].

4. Отсутствие нормативного закрепления категории «правовая определенность» привело к использованию в доктрине значительного числа аналогичных по смыслу категорий (так, при изучении исследуемого феномена – как принципа, одновременно встречаются принципы «определенности закона», «защиты законных ожиданий», «ожидаемого поведения», «правомерных ожиданий» и др.).

С учетом зарубежного опыта, породившего многообразие терминов в отечественной доктрине, перед законодательством и правоприменительной практикой возник вопрос выбора оптимального термина, максимально коррелирующего с терминологией иных правовых систем.

В актах КС РФ, Верховного Суда РФ четко прослеживается использование, в качестве такового, термина «правовая определенность», что свидетельствует, видимо, о рассмотрении его, как наиболее подходящего.

Что же касается законодательства, то не так давно, реализуя механизм «регуляторной гильотины», начал действовать закон об обязательных требованиях¹, в котором указанные требования

связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а оценка их соблюдения производится при реализации целого ряда государственных функций (в частности, контроля (надзора), предоставления разрешений, различных форм оценки и экспертизы). Именно правовой определенности посвящена ст. 7 закона, и в ней (п. 1) закреплено, что содержание обязательных требований должно отвечать принципу правовой определенности – «быть ясным, логичным, понятным как правопримениителю, так и иным лицам, не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законодательного регулирования той или иной сферы и правовой системы в целом». Таким образом, несмотря на то, что сфера действия рассматриваемого нормативного правового акта ограничена, – на уровне закона отечественный законодатель впервые использовал как категорию «правовая определенность», так и содержание ее, как принципа.

5. Ученые предпринимают попытки определить исследуемое понятие, но предпринимают эти попытки не слишком часто, что объясняется, например, эклектичностью вышеуказанного понятия. При этом имеющиеся определения значительно различаются объемом. Так, Р. М. Масаладжиу включил в содержание вышеуказанного понятия «ясность и четкость действующих правовых норм, устойчивость законных и обоснованных судебных актов, а также стабильность складывающихся на их основе правоотношений, чтобы заинтересованные лица с разумной степенью вероятности могли предвидеть последствия применения к ним судом действующих правовых предписаний и в соответствии с этим предвидеть последствия выбора того или иного варианта своего поведения» [Масаладжиу, 2009, с. 24]. В то время, как Ю. В. Романец сформулировал определение довольно кратко («ясность относительно наличия прав и обязанностей в конкретном правоотношении» [Романец, 2011, с. 6]), что не делает его упрощенным – оно является очень глубоким по своему смыслу.

6. В доктрине и правоприменительной (в том числе судебной) практике категория «правовая определенность» рассматривается не только, как принцип, но и в разных других «ипостасях» как требование к правовой норме, судебному акту, как критерий права, фундаментальная идея и в целом ряде других значений, что демонстрирует универсальную природу требований данного феномена, выявление его новых граней, проявление во всех отраслях права.

¹Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При активном использовании в современной российской правоприменительной практике категории «правовая определенность», отсутствует ее нормативное определение, хотя в принятом в 2020 г. законе «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» законодатель впервые закрепил ее в качестве принципа.

Пока же, при всем многообразии проявления исследуемого феномена, содержание понятия формулируется судебной практикой и доктриной и рассматривается, при этом, в самых разных значениях.

Использование исследуемого феномена правовыми системами различных государств свидетельствует о необходимости его дальнейшего изучения, в том числе в сравнительно-правовом аспекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рехтина И. В. Правовая определенность в гражданском судопроизводстве Российской Федерации: монография. М. : Юрлитинформ, 2021.
2. Гаджиев Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16–28.
3. Крыжан В. А. О содержании принципа правовой определенности // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 81–88.
4. Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. II. Источники гражданского процессуального права. М.: Проспект, 2017.
5. Васковский Е. В. Учение о толковании и применении гражданских законов: Цивилистическая методология. Ч. 1. Одесса : Экономическая типография, 1901.
6. Пресняков М. В. Ретроактивное действие закона с позиции принципа правовой определенности: *lex retro non agit?* // Гражданин и право. 2020. № 10. С. 26–38.
7. Масаладжиу Р. М. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7. С. 22–25.
8. Романец Ю. В. Правовая определенность или безнаказанность? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49. С. 6–9.

REFERENCES

1. Rekhtina, I. V. (2021). *Pravovaya opredelennost' v grazhdanskem sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii* = Legal certainty in civil proceedings of the Russian Federation. Moscow. (In Russ.)
2. Gadzhiev, G. A. (2012). The principle of legal certainty and the role of courts in ensuring it. The quality of laws from the Russian point of view. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, 4, 16–28. Moscow. (In Russ.)
3. Kryzhan, V.A. (2018). On the content of the principle of legal certainty. *Permskij juridicheskij al'manax. Ezhegodnyj nauchnyj zhurnal*, 1, 81–88. Perm. (In Russ.)
4. Bonner, A. T. (2017). *Izbrannyye trudy* = Selected works. Moscow. (In Russ.)
5. Vaskovsky, E. V. (1901). *Uchenie o tolkovaniii i primenenii grazhdanskix zakonov: Civilisticheskaya metodologiya* = The doctrine of the interpretation and application of civil laws: Civilistic methodology. Odessa. (In Russ.)
6. Presnyakov, M. V. (2020). Retroaktivnoe dejstvie zakona s pozicii principa pravovoj opredelennosti: *lex retro non agit?* = Retroactive effect of the law from the position of the principle of legal certainty: *lex retro non agit?* *Grazhdanin i pravo*, 10, 26–38. Moscow. (In Russ.)
7. Masaladzhii, R. M. (2009). Princip pravovoj opredelennosti v nauke, praktike ESPCh i ego vliyanie na dostupnost' pravosudiya na stadii nadzornogo proizvodstva v grazhdanskom i arbitrazhnom processe = The principle of legal certainty in science, practice of the ECHR and its impact on the accessibility of justice at the stage of supervisory proceedings in civil and arbitration proceedings. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*, 7, 22–25. Moscow. (In Russ.)
8. Romanets, Yu. V. (2011). *Pravovaya opredelennost' ili beznakazannost'* = Legal certainty or impunity? *E'Zh-Yurist*, 49, 6–9. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василишин Иван Иванович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasilishin Ivan Ivanovich

PhD (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 20.02.2022
одобрена после рецензирования 15.03.2022
принята к публикации 10.06.2022

The article was submitted 20.02.2022
approved after reviewing 15.03.2022
accepted for publication 10.06.2022